

Литературная газета
г. Москва

С МАЯКОВСКИМ ПО СОЮЗУ

К 90-летию со дня
рождения поэтаЯ — бедом казак,
другим —
сечевич,
в по рожденно
грозил.

Так писал о себе Маяковский. В Багдади (ныне районный центр Маяковский), в доме, где 7 (19) июля 1893 года он родился, — ныне широко известный в стране музей поэта. В Кутаиси сохранилось здание классической гимназии, в которой он учился, — тут началось его приобщение к революционной борьбе...

Один из старейших грузинских писателей Колац НАДИРАДЗЕ рассказывает:

— Я помню все это, хотя прошло уже почти восемьдесят лет. В сентябре 1904 года я поступил в первый класс Кутаисской гимназии. Маяковский был старше меня и учился во втором. Однажды на перемене я остался дежурить. Велено было никого в комнату не пускать. Однако Маяковский на правах старшего вошел, дал мне легкий щелчок и спросил, умею ли я рисовать. Потом взял мел и подошел к доске. Изпод его руки на доске быстро и легко стали появляться животные и птицы. В том возрасте разница в два года казалась очень значительной, и я сразу признал за Володей права старшинства.

В 1905 году начались нелегальные сходки. Эти собрания кашах весте устраивались вне стен гимназии — на берегу Риони или на Габавской горе. Представителей туда выбирали на классных собраниях. Маяковский постоянно представлял свой класс. В конце 1905 года сходки демонстративно были перенесены в актовый зал гимназии, и уже здесь новые трибуны громкогласно предъявили администрации свои требования: отменить преподавание закона божьего, расширить права учащихся... А в декабре мы приняли участие в уличной демонстрации.

После революции Маяковский трижды приезжал в Грузию — в августе 1924-го, в феврале 1926-го и в декабре 1927-го.

Только нога ступила в Кавказ. Я вспомнил, что я — грузин.

Во время первого своего приезда он написал стихи «Владикавказ — Тифлис», «Гулом восстающий...» и др.

В 1926-м поэт выступает в театре Руставели

с докладами «Мое открытие Америки» и «Лицо литературы СССР», с чтением стихов. В 1927-м в театре Руставели он читает поэму «Хорошо», делает доклад «Давеш изыщную жизнь», выступает в Центральном рабочем клубе, встречается со студентами, писателями — доклад «Стихи и задачи поэта».

Вспоминает Карло КАЛАДЗЕ:

— Это было в феврале 1926 года. На проспекте Руставели у входа в кафе будущий кинорежиссер Н. Шенгелая и поэт Ж. Гогобаридзе познакомили меня с Владимиром Маяковским. О чем еще мог мечтать совсем зеленый юноша, только начинавший свой путь в литературе? Маяковский был моим кумиром. И вот я увидел его самого — крупного, широкоплечего, с задухливо-суровым лицом... Тем же вечером я выразил свои чувства в стихотворении. А на следующий день Владимир встретился с нами, молодыми поэтами, во Дворце писателей. Ему читали свои стихи К. Лордкипанидзе, начинавший как поэт, и А.

Мирцхулава (Машашвили). Я счастлива был прочитать там, в его присутствии, свое стихотворение «Разговор с Маяковским».

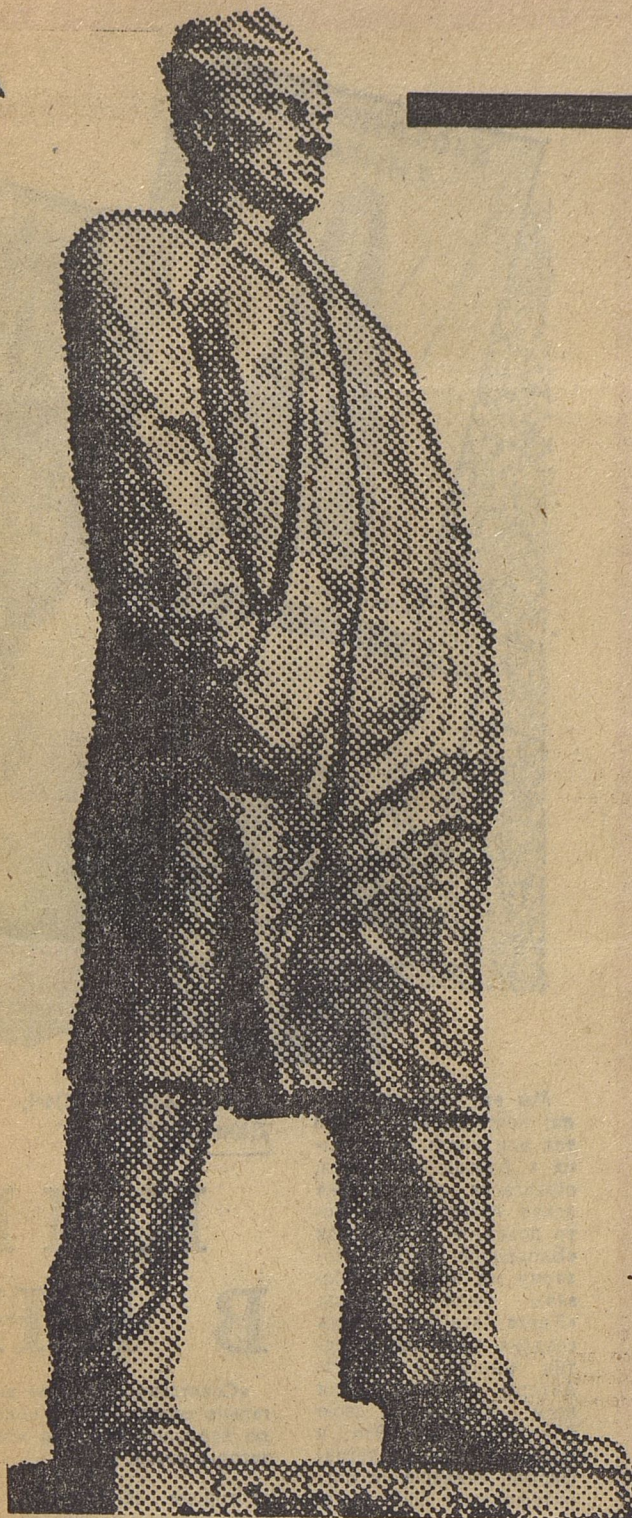
Говорит Ираклий АБАШИДЗЕ:

— В воспоминаниях грузинских друзей и почитателей встает волнующий облик большого поэта — Маяковский в аудитории. Маяковский в кругу приятелей, Маяковский — среди молодых поэтов...

Я застал его в Тбилиси во время приезда в 1927 году. Восторженно принимал его, выступавшему в Тбилисском университете, в Закавказском коммунистическом университете. Известное выражение «стиль — это человек», как мне кажется, очень подходило Маяковскому. Его поэзия, его стихи поразительно напоминают своего автора, с его богатырским размахом, мощной, всепокоряющей интонацией, с неотразимым остроумием, и это единство, неразделимость художника и его творений, органически вытекало из духа, стиля эпохи.

На всем протяжении развития советской поэзии мы мыслили ее гражданской ответственностью и общественной значимостью, в единстве с именем Маяковского.

АНАЛОГ

Евгений
ЕВТУШЕНКО—Отар
ЧИЛАДЗЕ

Памятник на проспекте Дружбы в Тбилиси.

ЕВТУШЕНКО. В мире нет другого волшебного примера таких таинственных, глубинных взаимосвязей, какие существуют между грузинской и русской поэзией. Как бы в благодарность за прекрасные стихи о ней Пушкина и Лермонтова, Грузия подарила русской поэзии Маяковского. Поэта нельзя представить без земли его детства. Будущая поэтика начинается формироваться в поэте с первых звуков, запахов... Мне кажется, в Маяковском есть нечто и грузинское — возмем хотя бы его мощное «Р», перекатывающееся с таким рокотом, как перекатываются камни кавказских рек, или раскатистость стиха, напоминающего горное эхо.

мечно, в юношеском возрасте бывает ползет и момент подражательства, если затем это проходит, как детская корь.

Ч. Ну что сказать на это? Подражательство, к тому же сознательное, конечно, не самое хорошее дело. Художник прежде всего раб самого себя. Я не подразумеваю здесь нарциссическую самолюбленность. Собственная личность — вот позиция, вера и конечная цель писателя. Так что это единственный случай, когда рабство нельзя порицать. Подражатель отдается в рабство другому, да еще и по доброй воле. Помимо всего прочего, он не повторяет, скажем, смысл движения, а лишь его механику, не взрыв, а только звук взрыва. Подражатель не

ПОЭЗИИ МОЗОЛИСТЫЕ РУКИ

ЧИЛАДЗЕ. Не думаю, что мощное «Р», так же как, скажем, мягкое, бархатистое «Л», может что-либо определить. Любому художнику (в данном случае — поэту) создается определенная культура, язык, ком, психикой... Всей духовной историей того народа, составной частью которого изначально задумало его провидение. Так что, хоть это и большой комплимент, Грузия не могла «подарить» Маяковского русской поэзии, поскольку он как художник является плодом именно и только, русской культуры.

В одном полностью согласен с тобой. В формировании поэта, вообще личности, разумеется, величайшее значение имеет тот окружающий его мир, который он увидел, впервые открыл глаза, и навечно запечатлел в сердце со всем волнением, восторгом, удивлением, радостью, которую несет таинственная, прекрасная и величественная природа... Это сложное, не поддающееся определению чувство с детства сопровождает каждого художника, и все оцарапало свой долг перед ним, поскольку неизвестно, как сложилась бы его жизнь, если бы впервые увиденный им мир был не таким.

И у Маяковского был свой «сокровенный остров» детства. На нем сверкали холмы Империи, текли воды вечно Риони и безостановочно шелестели гранаты храма Баграта. Наверное, никто лучше Маяковского не знал, какой волшебной силой они его наделили, ведь недаром он сказал: «Я в долгу... перед вами, багдадские небеса». Впрочем, если бы Маяковский был грузинским поэтом, он помнил бы об этом всегда, а не только тогда, когда нога ступила в Кавказ».

Е. Считаешь ли или считал ты Маяковского своим учителем?

Ч. Вообще это традиционный вопрос, и, насколько знаю, никто пока не смог дать на него исчерпывающий и категорический ответ. Наверное, потому, что писателю нужно гораздо больше учителей, чем человеку любой другой профессии. Порой нам просто нравится считать себя учениками кого-то, хотим, чтобы именно он числился у нас в учителях, но, как ни странно это может показаться, учителя выбирают себе учеников, а не наоборот.

Е. Каждый должен идти своей творческой дорогой... Я люблю только тех писателей, у которых есть то, чего мне самому не хватает. Когда молодые поэты приносят мне стихи, написанные «под Евтушенко», я всегда говорю им примерно так: «Хватит одного Евтушенко. Если вы пробьетесь к собственной душе, если будете входить внутрь собственного сознания, как шахтер со своей лампой входит внутрь забоя, то там высветятся такие уголки, такие минералы, такие друзья, которых у меня и в помине нет. А если вы подражаете кому-то, то вы не приблизитесь к собственной душе».

Н. Верю в существование школ. В. Соколов был прав, сказав: «Нет школ никаких... Только совесть». Я когда-то потратил много времени, подражая Маяковскому и даже Кирсанову.

Ч. Ты знал, что подражаешь им? Е. Я это делал совершенно сознательно. В 1951-году на совещании молодых писателей я получил беспощадную рецензию Грибачева на свою рукопись. Выводов было два: 1) слепое подражательство Маяковскому, 2) поэта из этого человека никогда не получится. Со вторым выводом я по своей вине не юношеской самонадеянности не согласился, но я старался всегда, даже из самой жестокой критики извлечь рациональное зерно и понял, что в первом выводе Грибачев прав.

Почему я прибегал к имитации? Потому, что собственная жизнь мне казалась неинтересной. Тогда я еще не написал: «Людей неинтересных в мире нет». Когда я пришел к Кирсанову и показав ему свои стихи, он сразу же мне сказал: «Ну зачем вам быть вторым Кирсановым?» Ко-

пременно болел честолюбием, поскольку его толкает на подражательство не стремление постичь глубины человеческой души, а настоящий же желание всплыть на поверхность жизненного успеха (наверное, поэтому и были эпиграфы у всех больших поэтов).

Подражательство в отличие от влияния оставляет свой след не на душе, а на лице, как грим. Впрочем, и ты ведь, оказывается, говоришь почти то же самое своим подражателям... Так что ты знаешь этому цену. Все, что поразило тебя, нужно заново сварить в собственной душе.

Е. Именно сварить, а не переварить. Маяковский сначала для меня был гримом на лице, потом стал частью души.

Ч. Каждый истинный поэт — сын своей эпохи. Щедро и добросовестно возвращает он людям все, что видел и пережил. Созданная им действительность обогащена страстью и духом поэта. Поколение привыкает к голосу поэта, как живущие на берегу реки привыкают к ее постоянному говору. Представь себе, как ужасно стало бы им жить, если бы река высохла и воцарилась тишина. К счастью, поэзия — неиссякаемая река, потому что ее истоки и притоки — народ. Каждый поэт живет до тех пор, пока люди понимают его, считают его выразителем своих чувств и чаяний.

Е. Надо брать у Маяковского то, что осталось навсегда живым, бессмертным. Есть стихи, актуальные только для времени их написания. Нельзя такие стихи зачеркивать хохом, ибо они далеко не всегда лишь порождение определенных обстоятельств, хотя бывает и так. Но есть стихи, актуальные навсегда.

Уважение к большому поэту не в колени-поклонении. Маяковский даже о Ленине писал: «Я боюсь, чтоб шествия и мавзолей, поклонный установленный статуй не заили бы приторным елеем ленинскую простоту... Я бы стал бы в перекосе шествий...» Когда Маяковский говорил: «Все, что я сделал, все это ваше — рифмы, темы, дикция, бас», — он сам этим давал нам право разбираться, как в собственном хозяйстве, в его колоссальном опыте. Любовь не означает всепринимлемость. Более того — там, где всепринимлемость, там я подозреваю недостаточность любви. Некоторые стихотворцы взяли у Маяковского только одну линию — газетно-плакатную, агитационную и сочиняли стихи к датам, так называемую «даскую поэзию» (я и сам грешил этим в ранней юности). Сейчас время подобных агиток и «Окон РQCTA» миновало: к революции Россия пришла с сорокадесятью процентами неграмотного населения, ныне мы страна сплошной грамотности, — нужна более высокая степень агитационности.

Существует целая категория писателей, которая единственно что усвоила из Маяковского, — это «я себя смирял, становясь на горло собственной песне». Они настолько себя смирили, что иного определения для них не найдешь, кроме как «смирные». А смиренный поэт — это уже не поэт. В том, что Маяковский-агитатор наступал на горло своей лирике, была, конечно, и его победа, ибо в те годы многие поэты надменно чурлись гражданственности, но и его трагедия. Но эти строки Маяковского горькие, в них нет рецептов для других — давайте, мол, и вы, товарищи, дружно становитесь на горло собственным песням. В этих строках Маяковского — ревнивость — по убиенным им самим лирическим стихам. Маленьких поэтов объединяют совместные интриги, совместные литературные борьбишки, а больших поэтов разделяют остроушность, зазубренность их индивидуальностей... А насколько было бы им легче, если бы они прижимались потеснее плечом к плечу!

Ч. В конце концов большие поэты все же оказываются вместе. Как известно, время даже противостоящих друг другу

поэтов ставит рядом. Каждый поэт выполняет свою, особую миссию.

Е. Без этого его существование было бы бессмысленным.

Ч. Плохих поэтов не существует, есть непоэты и поэты — хорошие и великие. Важно отличать от поэтов тех, кто охватывает манию стихослагательства, людей, само многочисленное существование которых является угрозой для истинной поэзии.

Е. Маяковский ощущал жизнь как непрерывную борьбу. Иногда от этого он что-то терял — например, ощущение природы, драгоценность тишины. Это прощалось у него лишь в конце жизни в обращении к любимой: «Ты посмотри, какая в мире тишина...» Он бывал иногда излишне социологичен, описывая интимные отношения: «Я поцелую рук ли, губ ли, в дрожь тела близких мне красивый цвет моих республик тоже должен пламенеть». Но всегда он был чистосердечен — даже в своих, с сегодняшней точки зрения, наивностях. И он дал великий пример вмешательств в жизнь, постоянной битвы со всем плохим на земле. Но навязывать трибунность Маяковского не надо — при малом таланте это похоже на попытки лягушек раздуться до размеров вола.

Ч. Знаешь, о чем я подумал, когда ты говорил о прямом вмешательстве поэзии в жизнь: а если люди, которых мы пытаемся исправить, нас не читают? Не делаем ли мы свое дело впустую?

Е. Но разве мы своими стихами не можем создать атмосферу нетерпимости вокруг таких людей? Литература может очень многое. Вознесенский точно сказал: «Мы — песчинки? Но которые жерла пушечные рвут!» Ну, а если пойти на такое идеалистическое предположение, на такую фантастическую ситуацию: какой-то сошедший с ума, как в американском фильме «Доктор Стрейнджлав», генерал занес руку над атомной кнопкой, чтобы стереть с лица земли, скажем, Грузию, и вдруг вспомнил «Витязя в тигровой шкуре», — и его рука дрогнула?

Ч. Для того чтобы не умирали другие, писатель ежедневно должен умирать за своим письменным столом. А сегодня явно ощущается желание некоторых поэтов освободиться от оков письменного стола, стремления на эстраду, телевидение... Слово такие поэты лихорадочно ищут выход, как случайно залетевшая в комнату птица. Тот кому нечего сказать, хватается за микрофон, как утопающий за соломинку. Я потому говорю об этом так гордо и резко, что бегство от стола писателя считаю изменой, симптомом нарушения писательского долготерпения. Мы словно хотим опередить собственное произведение на пути к читателю, хотим сначала показаться ему, понравиться, заставить полюбить себя, заигрываем с ним при помощи микрофона, чтобы потом смелее отдать на его суд свое стихотворение. Стол для писателя — то же, что верстак для столяра, наковальня для кузнеца.

Е. Значит, в этом ты не согласен с Маяковским, который придавал такое значение публичному чтению стихов?

Ч. Конечно же, я не выступаю категорически против эстрады. Это сам по себе весьма интересный жанр, доставлявший и мне немало удовольствия. Однако я категорически против эстрадности, которая, к сожалению, явно проглядывает в творчестве некоторых популярных поэтов и которая, словно поселившись без спросу жильце, теснит законного владельца квартиры, то есть поэзию. Имею в виду те произведения, что предназначены для слушателя, а не для читателя, верным которому я всегда был и останусь. Поднимая свой авторитет, писатель защищает престиж литературы вообще. Поэтому в центре внимания читателей всегда должно находиться произведение, а не его автор. Поэт обязан направлять внимание

читателя на поэзию, а не на собственную персону.

Е. Маяковский хотел сделать поэзию, которая тогда тяготела к салонам, а не площадям, жанром более широкого воздействия, и он вышел на трибуну.

Ч. Это, по-моему, следует объяснить в терминах Маяковского: масштабность музыкально-содержательной амплитуды его поэзии, чем он так зримо отличается от других великих поэтов. А в одном ты прав: он хотел привлечь внимание к поэзии, а не к себе лично!

Е. Он смотрел на себя, как на орудие поэзии, ее орган. Если мать хочет вывести своих детей в люди, в этом нет никакого стыда, за исключением тех случаев, когда добиваются этого унижительными способами. Когда поэт выводит свои стихи в люди, это не его личный эгоизм, а материнский инстинкт. Нельзя связывать публичные чтения стихов только с эпохой революции. А если уж связывать, то, в понимании моем, революционный процесс непрерывен, он лишь проявляется в разных формах: то выплескивается на поверхность, то забраживает подспудно, то даже иногда как бы застывает, исподволь набирая сил для нового выплеска. Не верю в теорию так называемого безвременья. Если в каком-нибудь самом зстойном времени бьется хотя бы одна живая мысль, то и тогда это уже не безвременье. Но если для тебя самого нехарактерно желание выступать, то зачем навязывать эти твои отношения со оценкой всем другим поэтам? Кто-то неестествен на стадионе, а Маяковский — естествен.

Ч. Думаю, и Маяковский неестествен на стадионе. На стадионе естествен футбол, регби... Поэзия же всегда играет на своем поле, и это великая игра, когда лицом к лицу оказываются поэт и его читатель, более грандиозная, чем любое спортивное зрелище. Это путь, на котором, пройдя через душу одного человека, поэзия адресуется миллионам. Но не уходящим ли мы вновь от темы письменного стола? Хотя и впрямь, как трудно сидеть за столом, отказавшись от всех земных благ и удовольствий! Ты, должно быть, согласишься со мной, что у некоторых из наших писателей развился «страх стола», как бывает страх высоты или воды. Но хотим мы или не хотим, только за письменным столом обнаруживается, чего мы стоим и что можем.

Е. Когда для некоторых писателей их так называемая общественная, публичная жизнь служит бегством от письменного стола — это страшно. Эстрада может, конечно, стать и паперью для вымывания популярности, добыванием аплодисментов любой ценой. Сейчас, например, многие стихотворцы читают с эстрады плохонькие строки о Высоцком с одним расчетом, что только за упоминание этого имени сорвут аплодисменты. Как говорят французы, шантаж сентиментальности. Такие авторы пишут стихи о Высоцком или о Шукшине не от любви к ним, а от любви к себе.

Но при всем том эстрада может быть и полем боя, какой она была для Маяковского или, например, для поэтов нашего поколения, когда выступления на эстраде подняли тиражи книг, повысили уважение к поэзии. Некоторые люди приходили просто, как любопытные, а уходили читателями поэзии. Настоящие поэтические выступления — это не производство слушателей, а производство читателей. Это создание единомышленников.

Много раз я провоцировал молодежную аудиторию — и рабочую, и студенческую: кто поэты вашего поколения? Всегда ответом было затененное и грустное молчание. Как ни старайся я быть ближе к молодым, все равно мне никогда не ощутишь того, что может чувствовать 17-летний. Это сможет только его ровес-

ник. Поэзия, выросшая внутри какого-то поколения, дает хотя бы минимально необходимый идеализм. В сегодняшних молодых я вижу маловато этого морально необходимого идеализма, а все больше потребительства, и во многом это объясняется нехваткой своих, выдвинутых новым поколением поэтов. А что в Грузии?

Ч. Начнем с того, что у нас вообще не очень распространена эстрадная поэзия или чтение стихов с эстрады. Что же касается новых поэтических вершин, я думаю за эти 25 лет и у нас не появились Руставели, Важа Пшавела или Галактион Табидзе, чего, впрочем, и не следовало особенно ждать. Вообще я смотрю на этот вопрос более оптимистично. И несколько иначе. Разумеется, в истории литературы бывают периоды, когда на небосклоне поэзии подряд загораются все новые звезды. Но бывают и не столь звездные периоды, что вовсе не означает, будто в это время вообще не ощущается мощного воздействия поэзии, будто великие поэты, «свистела» остаются принадлежностью только той эпохи, которая породила их, а для нас они потеряли ту функцию, которую выполняли для своих поколений. Ничего подобного!

Возможно, наше время и не столь богато поэтами (хотя я думаю иначе), однако его отличает величайший интерес к поэзии. Уже само по себе большое дело, поскольку этот интерес превращает великого поэта вчерашнего дня в сегодняшнего великого поэта. Думаю, ничего страшного, если несколько поколений проживут без «собственного» большого поэта, однако как бедны станут они духовно, если не будут считать своими вечные светила поэзии.

Е. Это бесспорно, а все же жаль, что уже существует несколько поколений, воспитанных не столько поэзией сверстников, сколько бесчисленными ВИА. А так как слова песенков чаще всего просто подтекстовки, то и вкус к хорошей поэзии у молодых развивается. Более того — развивается чувство историзма, и некоторые молодые люди забывают, что они живут не только в стране Аллы Пугачевой, но еще и в стране Емельяна Пугачева. Уверен: следующее поколение без своих поэтов не может быть лучше предыдущего.

Ч. Я всегда испытываю величайшее уважение к каждому юноше или девушке, которые добровольно, больше того — с самопожертвованием святого и нетерпеливого любящего впадают в тяжелое ядро писательства, чем снова и снова подтверждают необходимость и вечность этой профессии. Главное, чтобы у них был талант. А талант, сказал один умный человек, как деньги — или он есть, или его нет. И еще надо уметь им распорядиться, то есть не растратить данный природой капитал без пользы и смысла, а употребить его на то, чтобы сделать счастливее, умнее и благороднее хотя бы одного человека.

Быть поэтом — великое предназначение, и потому так больно мне, когда ради каких-то второстепенных дел поэт, как от бога, отрывается от своего письменного стола, которому принадлежит душа и телом.

Е. Когда Симонов умирал, он завещал, чтобы его прах развеялся под Могилевом, где он чудом спасся в 41-м. Я написал стихи, посвященные его памяти:

Упресли его,
А себя он разбрасывал по жанрам,
И по боям, и по жарам.
Даже в мертвых, оставших
И в древних некрополях
Сам себя разбрасывал
По жгущим нивам.
«Да хранит благодарная память
Планеты, —
Как посмертно
Разбрасываются поэты!»

Но вернемся к Маяковскому. У Асеева есть такие строки о Маяковском: «Только ходят слабые версии, слухов пыль дорожную крутя, будто где-то в дальней-дальней Мексике от него затеряно дитя». Когда я был в Мексике, я цитировал эти строки Сикейросу. Он шутиливо сказал мне: «Зачем ты ищешь сына Маяковского? Взгляни в зеркало, и ты его увидишь».

В каком-то смысле мы все — дети Маяковского.

Ч. В Грузии есть поговорка: «Для страны лучше, чтобы сын был лучше отца».

То же можно сказать и о литературе. Если мы сумеем стать лучше предшествовавших нам писателей, литература от этого только выиграет. Но думаю, что это нам не по силам. Хотя каждый должен дерзать. Будем честно делать свое дело, не стараясь ни плечи уберечь от тяжелого груза, ни лица от холода. Все остальное решит время и читатель.

Материалы подготовили
специальный корреспондент «ЛГ»
И. РИШНА,
собственный корреспондент «ЛГ»
по Грузии
Э. ЕЛИГУЛАШВИЛИ